



О Евгении Павловиче УГРЮМОВЕ, профессоре кафедры ВТ, студенты на неофициальном сайте ЛЭТИ написали: «Нормальный мужик. Умный и уважаемый. Учитесь». И по десятибалльной шкале выставили ему оценку 8,99. 1 марта профессор отметит «юбилейную» дату — 50 лет преподавательской деятельности. И хотя говорят, что мужчина проходит три стадии своего состояния — плэйбой, плэймен и плэй офф, о профессоре Угрюмове этого не скажешь — глаз горит и голова по-прежнему светлая, перечитывает Ремарка и Фейхтвангера на языке оригинала. И с семейными ценностями у него все в порядке — жена, два сына, внуки. В общем, как говорится, жизнь удалась.

Пусть голова его седа...



— Евгений Павлович, вы интеллигент в каком поколении?

— У меня отец с юга Архангельской области, из деревни под Вельском. А мама из Старой Руссы, из семьи учителя. Они встретились в Герценовском институте. Я, питерский парнишка, стал интеллигентом во втором поколении. И до начала войны, до моих 12 лет, все было более или менее хорошо. А потом начались в жизни резкие перемены и зигзаги.

— Как в песне — «Ах, война, что ты сделала, подлая»?

— Именно так. Отец был химиком, работал в группе академика Лебедева, который изобрел наш отечественный синтетический каучук, без него у нас не было бы ни оружия, ни шин, ни танков. Мы в середине июня поехали на дачу под Калинин. И когда началась война, обратно уже не вернулись — въезд был закрыт. Потом началось наступление немцев под Москвой, до этого Калинин очень сильно бомбили. И несколько ночей мы не спали. Родители решили выспаться. Пошли в деревню за семь километров от города, взяли полотенце, зубную щетку. В эту ночь немцы штурмом взяли Калинин. И мы вторично не вернулись в город.

— Жить хотелось?

— Не думали тогда об этом. В прифронтовой полосе по дорогам, под обстрелом за четыре дня мы с родителями прошли 130 километров. Добежали до города Кимры на берегу Волги. Оттуда людей отправляли по Волге. Все хотели попасть на дебаркадер. На наше «счастье», мать столкнули, она упала в воду. Ее вытащили, мать стала кричать, что у нее на берегу семья. Нас повезли. Буксир никуда не пристает, неделю мы голодали. Народу — тысяча, туалета нет. Через неделю пол стал скользким — не дай Бог упасть. Встали около другой баржи, там картошка мороженная. Наташили этой картошки, записались в очередь на ее готовку. Через три дня эту картошку отварили, и родители сказали — или мы должны отсюда выбраться, или мы здесь загнемся. По счастью, высадились в Ярославле, где тогда было министерство просвещения. Нам дали путевки на эвакуацию в глухую деревню в Кировской области — 120 верст до ближайшей железнодорожной станции. И в кожаных ботиночках, в легких пальтишках мы добирались до этой деревни на лошадях.

— Городской мальчишка стал деревенским?

— Да, в этой деревне мы жили в школе. Голодуха, снабжения никакого. Я летом работал в колхозе. Мне было тринадцать лет, мужчин — раз-два и обчелся, инвалиды, старики, и меня ставили на мужицкую работу. Не платили ничего. За сезон получил 16 килограммов зерна.

— Это что по тем временам?

— Килограмм хлеба на день — жить можно было 16 дней. Работа за «палочки». Еще мы собирали весенние колоски, которые пролежали под снегом. С медичинской точки зрения их нельзя есть, они отравлены. Но за это можно было получить 10 лет лишения свободы.

— Проходили период испытаний и взросления души?

— Пожалуй, это так. Я взял на себя огородные дела. Мы только этим и жили. Читали брошюры, семена достали. И у нас такие результаты были, что мужики деревенские приходили посмотреть. В 43-45-х годах я учился в Калининском университете.

Из нашего класса вышло много известных людей, в том числе поэт Андрей Дементьев. В 45-м году отец вызвал нас в Ленинград. И вдруг я резко заболел неизвестно чем. Пульс 150, а давление 90 на 60. Валялся по больницам, в госпитале пришлось побывать. Получил инвалидность 2-й группы. Постепенно из этого я выбрался. Пошел работать в конструкторское бюро учеником чертежника. Карьера стала складываться. Дошел до конструктора. Слоняясь по бюро и заглядывая в конструкторские доски, увидел ошибку в проектировании — высота здания была меньше, чем размер химического оборудования. Паника началась, начальство из Москвы приехало. А мне прибавили зарплату. Пошел учиться в школу рабочей молодежи. Часть учащихся там была «золотой» молодежью. Где-то они достали справки, что работают. Девочки в основном.

— Вы в них влюблялись?

— Я был воспитан на пуританской литературе и считал неэтичным заводить эти романы, не хотел трагедий. В этом отношении я очень сдержанно себя вел.

— Школу, конечно, закончили с медалью?

— У меня должна была быть медаль. Но в школе «обнаруживают» антисоветский заговор». Нашего историка, который был красноречивым и патриотичным, — я такого учителя больше не видел — забирают прямо с урока. И сажают на 10 лет.

— Вы поверили в это?

— Не поверил. Почувствовал какую-то фальшь. Выяснилось, что медалей в такой школе быть не может. Время идет, все получили аттестаты, нам с парнем, который тоже шел на медаль, ничего не дают. В конце концов, серебряные все же дали.

— И вы пошли в ЛЭТИ?

— Передо мной было два направления — биология или электротехника. Я читал научно-популярную литературу по радиотехнике, собрал простейший приемник, вдруг это все записало и заговорило. Склонился к ЛЭТИ, поступил на факультет электроприборостроения.

— И как юность студенческая проходила?

— Мы внутри группы все пережились. В том числе моя жена и я.

— Девушка была красавица, богиня, умница?

— Говорят, что браки заключаются на небесах. Наверное, это так. Много было кругом девчонок. Но почему-то одна для тебя выделяется. Жена была рекордсменкой Союза среди девушек по легкой атлетике. Она занималась в школе Виктора Алексеева. Ее

подругой была Галина Зыбина, трехкратная олимпийская чемпионка. Они на тренировках друг на друге ездили. Сын у меня — мастер спорта международного класса по баскетболу. Кондрашин очень хорошо к нему относился. Он очень любил карты, шахматы, преферанс, они с сыном еще и на этом сошлись. Да и я после переезда из коммуналки в центре города в квартиру на окраине отбегал 10 лет — до своих шестидесяти, на радость местным собакам.

— Папа, мама и я — спортивная семья?

— Внук защищает сейчас честь Оксфорда по гребле. Он окончил наш «большой» Университет по специальности «экономическая кибернетика», после этого пробился на обучение в Оксфорд, получил звание мастера экономики. Его там оставили, предложили работу. Внуку сейчас 25 лет. Защищает честь Оксфорда в соревновании с Кембриджем.

— Вы, наверное, вообще по жизни отличник?

— Во вкладыше у меня ни одной четверки нет. Я остался на кафедре. Там были люди, которых можно считать своими учителями. С творческой жилкой, горящие, стремящиеся к чему-то. У нас была «тройка НСТ» — Новосельцев, Смолов, Таханов. Мы к этой группе примыкали, получали от них задание.

— Это давало возможность содержать семью?

— Все мы тогда получали одни и те же деньги. Один может работать в десять раз больше, чем другой, а зарабатывать они будут одинаково. Мы получали 105 рублей плюс полставки по НИРУ — в сумме 157 рублей 50 копеек. По нынешним меркам где-то 15 тысяч. Потом, опять же по нынешним меркам, стали получать около 60 тысяч. Сейчас — раз в восемь меньше. Кафедра работала не в том режиме, что сейчас, — сейчас люди работают где-то на стороне, сюда приходят только на занятия. Тогда это была кафедра 42 — закрытая, засекреченная, кафедра приборов управления стрельбой. Одна группа занималась торпедной стрельбой, другая — ракетной. Я работал под руководством Смолова. Нужна была вычислительная техника, и я купил арифмометр. Сколько я на нем поработал! Смолов умел стимулировать людей. Мне повезло — открылось новое научное направление в области функционального преобразования, не разработанное до сих пор. Появились эффективные методы реализации функциональных преобразований, в разработке которых участвовала группа аспирантов, двое

из них стали докторами наук: А.Х. Мурсаев и И.В. Герасимов.

— И вы стали сразу диссертацию писать?

— Да, стал писать диссертацию на эту тему. Работы было очень много. И я, будучи аспирантом, читал по триста часов лекций в год. Тройная норма по нынешним временам. В 62-м году защитил кандидатскую диссертацию, а через восемь лет — докторскую. По импульсивной технике мы тогда от американцев не отставали. А еще наша кафедра исторически отличалась от других тем, что у нас никогда не было склок.

— И никогда друг с другом при помощи мужских «междометий» отношения не выясняли?

— При помощи «междометий» — нет. Я сейчас читаю книгу Василия Аксенова, он матерщинник страшный. Но у него это выглядит органично. Он просто описывает среду, в которой это принято. Но у нас на кафедре этого нет. Наверное, потому что мы все-таки — научно-техническая интеллигенция.

— Сколько лет вы связаны с ЛЭТИ?

— В ЛЭТИ я пришел в 1950 году. Преподавателем стал в 56-м. 1 марта будет 50 лет, как я преподаю.

— Скажите честно — преподавать 50 лет не скучно?

— Мне повезло — я сел в свои «сани». У меня есть склонность к преподавательской работе.

Еще когда я был студентом, ко мне подходили однокурсники и просили что-то объяснить. Умел как-то изложить, чтобы было понятно. Потом по комсомольской линии это стало общественной нагрузкой. Ко мне прикрепили бригаду, у меня было 6 девиц, и я с ними занимался.

— Со студентками, будучи преподавателем, кокетничали?

— Никогда.

— А если она, придя на экзамен в коротенькой юбочке, закинет ножку на ножку?

— Я замечал такие вещи, но никаких последствий не было.

— Студентов любите?

— Я очень люблю с молодежью общаться. Их энергия и живость заражают и поддерживают. Люблю общаться с людьми, которые что-то соображают. Сейчас, к сожалению, многие студенты не такие, как раньше. Тогда востребованность знаний сомнений не вызывала. Если человек учится, особенно по специальности, он понимал, что это то, с чем он столкнется в работе. На лекции ходили практически все. Любознательность аудитории была совершенно иная. Вопросов было столько, что я думал — как быть, не успеваю уложиться в лекцию.

— Вы сейчас поспеваете за новинками? Голова по-прежнему хорошо работает?

— Конечно, память уже страдает от возраста. Я много книг написал и знаю, что книга хорошая, когда она вся у тебя в голове целиком. Сейчас я уже не могу держать в голове книгу.

— Вас студенты боятся?

— Не сказал бы, что боятся. Может быть, некоторые опасаются.

— Свободное время как проводите? Тапочки, халат, книжка? Или с телевизором?

— Книжка — обязательно. Перед сном минут сорок — от этого не отвыкнуть. Сейчас читаю в основном хорошую мемуарную литературу, особенно если мемуары написаны умным, ироничным человеком. Беллетристика мне уже кажется придуманной.

— Скромнее стали сейчас в желаньях?

— Я всегда был скромным.

— Но о чем-то еще мечтается? Я не имею в виду увидеть Париж и умереть...

— А вот это как раз было бы подходяще — съездить в Париж. Пуркуа бы и не па?

— Какой-нибудь конфуцианской мудростью себя успокаиваете?

— Пожалуй, да. Мудрость такая — не с одним тобой случаются неприятности. И тебе не хуже, чем другим.

Беседу вела
Наталья КУЗНЕЦОВА